

Бывает так: прозвучит какое-то слово или выплывет конкретная деталь, и высветит давно известную всем проблему по-новому, ярко, пронзительно и остро. Так вышло у меня и с Анатолием Аврутиным. Как-то в одном из его писем, полученных по электронной почте, прочитала: “На днях мне сообщили из Германии, что во Франкфурте выходит фундаментальная четырёхтомная антология “Сто лет русской зарубежной поэзии”. Первые три тома – три волны эмиграции (там все звёзды, начиная с Цветаевой), четвёртый – поэты двадцать первого века, волею судьбы оказавшиеся вне России. В данном случае я составителям очень подошёл, хотя куда и не уезжал, а потому сказали, что дают меня в четвёртом томе, который выйдет к международной книжной ярмарке... Антология поступит во все крупнейшие университеты мира и будет своего рода путеводителем по русскому зарубежью. Единственная печаль – зарубежьем себя считать очень грустно...”

Все мы хорошо знаем, что живёт Анатолий Аврутин в Минске, и проблемы у русского поэта, оторванного от России, возникают немалые. Но вот чтобы так – антология русского зарубежья, да ещё в одном ряду с поэтами русских эмиграций... Минск совсем рядом с моим родным Смоленском, и Беларусь – наша родная и добрая соседка, при всём понимании современных проблем и реалий людьми, выросшими в СССР, чем-то отчуждённым не воспринимается. Но литературный ряд, в который волей судьбы попали стихи Анатолия Аврутина в антологии поэзии русского зарубежья, высвечивает проблему с неумолимой конкретикой и делает её проблемой русской истории, русской геополитической катастрофы и русской литературы. Я не видела вышедшей во Франкфурте антологии, но в памяти сразу зашелестели страницами многочисленные выпускавшиеся у нас антологии поэзии русского зарубежья. Выплыли хрестоматийные ностальгические строки Ивана Бунина: “Темнеют, стынут сумерки в пустыне, // Поля и океан...// Кто утолит в пустыне, на чужбине, // Боль крестных ран?”, сопротивляющийся, упругий стих Владимира Набокова: “Но где бы стезя ни бежала, // Нам русская снилась земля. // Изгнание, где твоё жало, // Чужбина, где сила твоя?”, горькое цветаевское: “Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, // И всё – равно, и всё – едино. // Но если по дороге – куст // Встаёт, особенно – рябина...” Вспомнились, конечно же, и классические строки поэта второй волны эмиграции Николая Моршенина, удивительно кратко и точно сказавшего о мироощущении людей, переживших великие исторические потрясения:

*Он прожил мало — только сорок лет.
В таких словах ни слова правды нет.
Он прожил две войны, переворот,
Три голода, четыре смены власти,
Шесть государств, две настоящих страсти.
Считать на годы — будет лет пятьсот.*

Эти строки — о каждом из нас, переживших развал и разграбление страны, смену общественной формации и идеологии, войны, то и дело вспыхивающие на территории бывшего СССР, — всего и не перечислишь! Так что по жизненному опыту и мироощущению и у празднующего сегодня свой юбилей большого русского поэта Анатолия Аврутина психологический возраст, реальное, не календарное время души по “шкале Моршена” зашкаливает за пятьсот и устремляется куда-то к отметке “тысяча”. “Спрессованное время”, рождённое неустанной работой души, уходит на дно сознания, тягчит, давит, но и всплывает удивительными по накалу строками, другим видением мира, другим ощущением себя в мироздании, другой радостью, другой, особой, прожитой и выстраданной глубиной. И всё же, какое отношение к поэтам русской эмиграции может иметь Анатолий Аврутин, коренной житель Минска? Вот и в письме его чётко и ясно написано: “... хотя никуда и не уезжал...” И тем не менее, я должна признать, что многие строки Анатолия Аврутина с неумолимой и пронзительной точностью и болью подхватывают и продолжают то лучшее, что было написано поэтами русской эмиграции:

*Вдали от России
И птицы летят по-другому —
Ещё одиноче безрадостно тающей клин...
Вдали от России
Труднее дороженька к дому
Среди потемневших,
Среди поседевших долин.*

“Вдали от России” — стихотворение откровенно хрестоматийное. Кроме боли, любви, выстраданности и бесконечной важности темы, есть в нём та редкая в современной поэзии простота, о которой молят Бога монахи и которая всегда была присуща русской классике. Но тема заявлена и обозначена точно.

Тема оторванности от России, тоски по родине — главная у Анатолия Аврутина, одного из лучших и, пожалуй, самого пронзительного русского поэта последнего десятилетия. Россия из его стихов наплывает на читателя лавиной — признанием в любви, пейзажем, размышлениями о русской истории, картинками современной жизни, русскими характерами, ностальгией, болью, отчаянием, философскими раздумьями, осмыслением собственной судьбы. Наверное, не будет преувеличением, если я скажу, что всё, о чём пишет Аврутин, — это Россия: “Не брести, а скакать по холмам помертвелой Отчизны, // На мгновение споткнуться, ргнуть проржавелую гать, // Закричать: “Ого-го!” — зарыдать о растраченной жизни, // Подхватиться и снова куда-то скакать и скакать”. Лирика Анатолия Аврутина накатывает волной, захлёстывает, увлекает за собой читателя, слова и образы идут наплывом, он поэт мощного лирического чувства и сильного музыкального накала. Но успокаивается подхватывающая и несущая ввысь могучая поэтическая стихия — и звучит прозрачный, спокойный, пронизанный тишиной и светом лирический голос: “Сызмалу я нет — приучен не был // Трепетать от трелей соловья... // Грозовая утренняя небыль, // Роковая родина моя. // Но уже тогда я чуял кожей // С родником и родиною связь, // С драною кошёлкой из рогажи, // Где ромашка робко привилась”. Рубцов в этих строфах слышится отчётливо: “С каждой грозой и тучею, // С громом, готовым упасть, // Чувствую самую жгучую, // Самую смертную связь”, так что нет нужды объяснять, с каким поэтом Аврутин ведёт поэтический разговор о России, чью оборвавшуюся песню подхватывает в своих стихах, вслед за чьим конём направляет своего скакуна “... по холмам помертвелой отчизны”. Поэтический диалог через время Аврутин ведёт не только с Рубцовым, но и со многими русскими поэтами. Он

обладает своим неповторимым и сильным голосом и в поэзии искусен. Он владеет лирической стихией и умеет быть разнообразным и неожиданным – по-блоковски и по-рубцовски лирическим и стихийным, по-некрасовски классически ясным и реалистичным, по-фетовски прозрачным и чутким, по-тютчевски глубоким и философичным. И всё же эпиграфом к его творчеству я поставила бы строки далёкой от него по лирическому ладу Марины Цветаевой: “Из сырости и шпал // Россию восстанавливаю”. Ностальгия по России в его стихах так сильна, а образы так предметны и живы, словно оказавшийся за пределами Родины поэт хочет воссоздать, “сотворить” словом ушедшую за горизонт Россию, восполнить потерю собственными стихами. Познание России – песня о родине – отталкивается от земного и восходит вверх по звенящей ветвистой вертикали. Ностальгический, бесконечно русский пейзаж – церквушки и хатки, просёлки и перелески, пустующие поля и птицы в шелестящих рощах (“Зелёным дыханьем наполнится чахлый пейзаж, // Рассадят по веткам галчат суетливые клёны. // И встанешь... // И вздрогнешь... // И всё, что имеешь, отдашь // За галочий крик и над церковью крест золочёный”) – сменяется знакомыми картинами народной жизни, выписанными верно и точно (“Не закрыта калитка... // И мох на осклизлых поленях... // На пустом огороде разросся сухой бересклет... // Всё тревожит строка, // Что “есть женщины в русских селеньях”, // Но пустуют селенья, и женщин в них, в общем-то, нет”). Картины народной жизни рождают улыбку земной любви, и взгляд обращается к женщине, но там, где у другого писалась бы любовная лирика, у Аврутина всё равно продолжают стихи о России: “Такое вот имя – Ирина, Арина... // Слегка журавлино, слегка голубино, // Слегка снегопадно, слегка февралёво, // Но вечно – небесного чувства основа”. Женский взгляд сливается с таинственным ночным пейзажем, и вдруг устремлённая к небу песня резко взмывает вверх – к звёздному небу, а потом – ещё выше, в совсем уже неотмирные дали – к раскрывшейся над мирозданием плотинской Мировой Душе, а в ней неожиданно и ясно угадывается сокровенная Россия, а точнее – её светящаяся Вечная Душа: “Когда бредёшь в раздумчивой тиши // Наедине с ночным небесным светом, // Есть ночь и высь... // А больше – ни души, // Но всё душа, но всё душа при этом...”

“Родина есть нечто от духа и для духа. И тот, кто не живёт духом, тот не будет иметь Родины; и она останется для него тёмною загадкой и странною ненужностью... Но именно поэтому творцы духа суть живые очаги Родины. Назови мне, кто те пророки, гении и герои, перед которыми ты в любви преклоняешься, и я скажу тебе, какого ты духа и где твоя Родина... Ибо ты любишь их и преклоняешься перед ними потому, что они облегчили тебе бремя твоей жизни, показали тебе путь к устройению твоей души, дали тебе утешение, дали тебе радость быть сильным... знаешь ты о том или не знаешь, – они твои пастыри, учителя и вожди, создавшие твою Родину и указавшие её тебе”, – писал волею судьбы оказавшийся за пределами России Иван Ильин в своей работе “О России. Три речи”. Для самого Анатолия Аврутина национальная идентичность невозможна без русской поэзии, пророческим зрением провидящей в исторических катаклизмах и мятущемся хаосе бытия великую Небесную Родину, силой песни проявляющей её суть и возносящей на должную высоту: “Если вдруг на чужбину // заставит собраться беда, // Запихну в чемодан, // к паре галстуков, туфлям и пледу, // Томик Блока, Ахматову... // Вспомню у двери: “Ах, да... // Надо ж Библию взять...” // Захватчу и поеду, поеду”. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Блок, Есенин, Ахматова, Цветаева, Рубцов – вечная часть земной родины, земного Отечества, ибо они не только путеводные вехи, маяки во мраке, но и **творцы родины**. Об этом свойстве поэта – **творить родину** в области земного духа для тысяч и миллионов – Анатолий Аврутин знает прекрасно. И, оказавшись за условной географической границей, он тем паче готов исполнить своё поэтическое предназначение не ради собственной беды и тоски, а ради миллионов таких же страждущих, вопрошающих, нуждающихся в слове объяснения и любви, “восстановив” “из сырости и шпал” ушедшую за земной горизонт, выстраданную и очищенную сердцем Россию. Он готов стать живым очагом разорённой родины, одной из вех духа, маяком в беззвёздной тьме крушения. Но для того, чтобы самому понять и найти Россию, ему надо очиститься от скорби и страстей, пережить трагедию крушения, осмыслить собственную жизнь, русское прошлое и русское настоящее. Ибо “вдали от России” выходит

за область географического и, как всё, имеющее отношение к духу, преодолевается только духом.

Анатолий Аврутин родом из СССР – послевоенной, уже вставшей на ноги, но ещё не окрепшей и не пришедшей в себя страны, нищей и счастливой, где скудное житие скрашивалось маминими драмиками и супом с лисичками, а открылённое надеждой детство неизменно венчалось пушкинским “Золотым петушком”: “В ногах скрутилось одеяло, // Часы с кукушкой били шесть. // Мне мама Пушкина читала – // Тогда не так хотелось есть”. В той стране нищего быта и холодных квартир из репродукторов говорил ещё не оболганный и не погранный победитель Сталин: “...динамик хрипел от темна до темна, // И нигде его не выключали // – Вдруг внезапно объявят, что снова война, // И по радио выступит Сталин?..” А. Аврутин, – прежде всего, наследник той эпохи, наследник вечной трагедии Великой Отечественной, наследник Победы и рождённых ею надежд, наследник великой, привольной и свободной страны по имени Советский Союз: “Там Сталинград ещё не Волгоград, // Там “Тихий Дон”, там песенное слово. // И в ноябре, как водится, парад – // Под первый снег... В каникулы... Седьмого...” А рождённым в большие эпохи даются не только большие испытания, но и большой характер, большое зрение – чувство истории и чувство современности, чувство народной правды и потребность стоять за свою страну – до великой Победы: “Даже из собственных помыслов изгнан, // Разве ты вправе грешить на Отчизну // В чёрную полночь без дна?..” Наверное, поэтому Россия Анатолия Аврутина – это и современное разорванное культурное и геополитическое пространство, и простирающаяся в даль веков глубина исторической и генной памяти, в которой наше время сменяется нашим, а разорение – разорением. “И Орда одолела... Не нас – тех, кто следом пришел, // Тех, кто вытравил память из шариков гемоглобина. // Им чванливо велели, и, ноги поставив на стол, // Потешались: “Плевать нам, что харкает кровью рябина...” Вечная Орда выплывает из глубины веков в наши дни, “вечный бой” за геополитическое пространство длится беспрерывно – прошлое и настоящее в этих стихах, как и в жизни, разделить невозможно. Но “Орда одолела” – произошло самое большое и непредставимое для всех, особенно – для фронтовиков и рождённых в послевоенные годы детей Победы. На пушкинское “Или... // От потрясенного Кремля // До стен недвижного Китая, // Стальной щетиною сверкая, // Не встанет русская земля?..” был дан невозможный ответ: “Не встанет...”

Россия Анатолия Аврутина – не позолоченная прянично-лубочная страна грёз, а великая и горькая страна-трагедия. Аврутина часто небезосновательно обвиняют в излишних мрачности и пессимизме. Отчасти это так. Но только – отчасти. Зачастую за пессимизм принимает умение поэта прямо смотреть правде в глаза и говорить её, какой бы горькой она ни была. Аврутин зорко и точно видит недостатки России и русского характера, и о многих исторических и житейских проблемах пишет с откровенной горечью: “Да, характер такой у смурного от жизни народа, // Всё: “Авось, перебежёмся... Авось, доживём до поры...” // Будут мёд добывать, а себе не останется мёда, // Воздвигает палаты, а хаты кривы и стары”. Но любовь – вне рассудка, поэтому Аврутин “восстанавливает” ушедшую за горизонт Россию целиком – с недостатками и изъянами, ибо они тоже мета родного. Вообще же “мрачность” Аврутина проистекает из того, что он пока находится внутри трагедии, внутри огромной геополитической катастрофы, и преодолеть её духом поэту только предстоит. “Ничего от той жизни, // Что бессмертной была, // Не осталось в отчизне – // Всё сгорело дотла...” – эти строки Владимира Соколова о дряхлейшей больше века русской катастрофе. Об этой же трагедии – великая печаль Аврутина: “Взъерошенный ветер к осине приник... // Одна вековая усталость, // Где русские души, где русский язык, // Где русская кровь проливалась”. Здесь опять слышится “Всё расхищено, предано, продано...” А. Ахматовой, и Аврутин перебаливает потерю родины, ищет Россию, но нигде не находит её светящейся Вечной Души, глядящей на ночные просторы из самых глубин мироздания. Поэтому его душа – неспокойна и мрачна, простор, наплывающий на поэта, – тёмен, ночь беспросветно черна:

*Просто за старым скрипящим забором
Бездна бесстрашно висит над собором,
Птиц от крестов отогнав...*

*Просто, как старые чьи скрипучи,
Небо закрыли тягучие тучи...
Просто идёт ледостав.*

И всё же в этом мраке где-то за стенкой кричит роженица, рождается будущее, рождается грядущая Россия. Поэт осознаёт это, но пока не может перебороть беды, ибо он, как и все его современники и соотечественники, жившие в СССР, находится не только в географической, но и в духовной дали от России. Радостного отклика на крик роженицы не следует: “На капли расплескана, тысячелица, // Усталая вечность мешает вздохнуть. // И только за стенкой кричит роженица. . . // И суть непонятна. . . И тягостна суть”. И действительно, географическая даль порождается далью духовной, как и геополитическая катастрофа, прежде всего, происходит в миллионах душ, утративших “родное”, потерявших родину, не вставших на её защиту: “Вдали от России. . . // Да что там – вдали от России, // Когда ты душою порой вдалеке от себя. . .” В беспроглядном мраке катастрофы подвергается сомнению всё, даже самое незыблемое:

*И шатаюсь я вдоль раздорожий,
Там, где чавкает сохля гать,
И всё Бога пытаю: “Я — божий?..”
А Господь отвечает: “Как знать...”*

Аврутин пока не может принять рождающегося будущего. Но за стенкой кричит роженица, крик тревожит его, он понимает, что от этого крика зависит его душа, и тёмный, обступивший душу простор с холмами, ломающимися льдинами, мятущимися, как река, далями держится сейчас на этом крике: “И вечность не чудится золотолицей, // И кровь вместо пота сочится из пор. . . // И только за стенкой кричит роженица – // Умолкнет она, и умолкнет простор. . .”

Но как же пронзителен внезапно вспыхивающий в стихах свет! Он летит в душу всё той же аврутинской лавиной, когда в стихотворение врывается рождённая безвестной роженицей и немного подросшая девчушка. Она не ведает страха катастроф и потерь, она просто **есть** – и принимает мир таким, какой он есть, и поэтому находится вне трагедии. Она – вне времени, вне мрака, а значит, пока принадлежит области духа. И сердце мгновенно узнает её вместе с деревьями, рыбами, птицами, ведь они – “родина”, “родное”, будущее, и весь этот знакомый, единый мир, и эта несущая в волосах солнце девчушка зовутся словом “Россия”.

*Угорая в чаду, что дарит позабытая вьюшка,
Все боятся чего-то, и вечен тот давящий страх.
Но наутро из хаты — чуть свет — выбегает девчушка,
И сама, как росинка, и солнце несёт в волосах.*

*И её узнают и деревья, и рыбы, и птицы,
И листок золочёный всё тщится в ладошку слететь...
Крикнет: “Папа, гляди!” И отцы забывают про страхи,
И шеломистый купол на Храме спешит золотеть.*

Таким пронзительным бывает только свет преодолённой трагедии.

Пронзительность, пожалуй, – одно из главных свойств поэзии Анатолия Аврутина. Не только дар глубоко и остро переживать происходящее, но и умение безоглядно открыться читателю, донести свою боль, не ведая преград между его и своей душой. Есть у А. Аврутина и великий дар сострадания и сочувствия. Анатолий Аврутин – очень человечный поэт: так видеть и любить простого человека, так понимать народ умеют немногие. Как поэт, я не могу не ценить мощную, покоряющую, возносящую волну аврутинской лирики. И всё-таки, на мой взгляд, лучший Аврутин – это Аврутин, поднимающийся до некрасовской простоты и народности, поэт просветлённый, чистый и ясный. И если с врывающейся в стихотворение девчушкой в сердце поэта вспыхивает мгновенный луч узнавания родного и преодоления трагедии, она –

“солнечный удар” постижения родины и возвращения к жизни, то в душах простых людей А. Аврутин находит вечный отклик на трагические события и свою ушедшую в дальние дали Россию. Его герои не могут спеть песню преодоления, они тоже внутри трагедии, но по смирению и душевной простоте именно они сохранили Россию в своей душе:

*И в душе запеклась,
Будто кровь на обветренной ране,
Вековая обида
За этот забытый народ,
За того мужичка,
Что с получки ночует в бурьяне
И всё шарит бутылку...
А всё остальное — не в счёт.
Как он ловок
Венец за венцом возводит колокольню,
Как он любит по-старому мерить —
Верста да аршин!..
А поранится: “Больно, Михеич?” —
Ответит: “Не больно...”
Всё не больно — и нажил не больно
До самых седин.*

Сколь бы ни был современен и знаком нам этот лирический герой, придётся признать, что мужичок, ловко возводящий колокольню и шарящий в бурьяне бутылку, не так уж и отличается от мужичков Николая Алексеевича Некрасова и героев других русских классиков. Безответный и терпеливый умелец Левша, молча страдающий и молча прощающий, Михеич вечен, как вечно его дело — “венец за венцом возводит колокольню”, ибо он — душа России, один из главных русских человеческих типов. К Аврутину приложимы слова Николая Тряпкина: “Нет, я не вышел из народа”. Поэтому герои его стихотворений — не только узнаваемые, но и **родные**, не утратившие исконной связи с **родиной**. Это и вечная русская старуха: “У столетней старухи // Белёдые, редкие брови, // И бесцветный платочек опущен до самых бровей...” Это и деревенская бабка на базаре, даром отдающая поэту кулёк с ежевикой: “Не тащить же назад, — улыбнулась, — мне ягоды с рынка, // Хворь совсем одолела. . . Самой притащиться б назад...” Это и знакомая картина послевоенных лет в стихотворении “Стирали на Грушевке бабы...” Одной меткой деталью Аврутину удаётся передать горе вдов: “И дружно глазами тоскуя, // Глядели сквозь влажную даль, // На ту, что рубаху мужскую // В тугую крутила спираль”. Ещё один мгновенно узнаваемый аврутинский лирический герой — Мирон. Современный и хорошо всем известный образ — ветеран Великой Отечественной, в беззащитной старости брошенный выживать в реалиях нового времени. Он потерял рассудок и до сих пор живёт в даях минувших сражений:

*Он сдал в музей медаль и ордена,
Он потерял жену, а с ней — рассудок.
И встречного: “Закончилась война?..” —
Пытает он в любое время суток.*

*“Да-да, Мирон, закончилась... Прости,
Что ты тебе об этом не сказали...”
Он расцветает... И звенят в горсти
Монеты на бутылку от печали.*

Сдавший в музей медали и ордена, потерявший память фронтовик с бутылкой от печали на фоне разрушенной, расчленённой страны и попорченной Победы потрясает до глубины души. Но Аврутин на этом не останавливается — концовка у стихотворения пронзительная, бездонная: “Проклятый век... Шальные времена... // В соседней Украине гибнут дети. // А здесь Мирон: “Закончилась война?..” // И я не знаю, что ему ответить...” Несколько строк стихотворения — и не названная в них великая драма развала СССР прочно

вписывается в трагические дали русской истории и вековечную печаль тысячелетней войны... Мирон стар и уже не может встать за Россию, но он солдат и проливал свою кровь за родину. Это за его солдатской спиной жила мирная страна, кричала безвестная роженица, а теперь теснятся, подпирая друг друга, дети и внуки: “Эх, какая земля! Как здесь всё вековечно и странно! // Здесь густая живица в момент заживляет ладонь. // Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана – // Подрастёт и вражине промолвит: “Отчизну не тронь!” Простой “народ безмолвствует”, он пока не поднялся над трагедией и ещё ищет “монеты на бутылку от печали”, но он **есть** и сохранил в своей душе родину, а значит, может подняться и встать за Россию. И сам Анатолий Аврутин – уже не идущий наугад по бездорожью эпохи путник, а часть народа, солдат Отечества, вечный “певец во стане русских воинов” – внутренние ресурсы и отправная точка для противостояния трагедии найдены. И в области духа оживают молчавшие до поры и ждавшие своего часа торжественные строки Николая Тряпкина: “А в сёлах гремят витии, // А с нами – отряды муз. // О Русь! Купина! Россия! // Великий Советский Союз!.. // Держава – на полном сборе. // Хвалынцы и тверяки. // И песни мои в дозоре, // Готовые, как штыки”.

И всё же главная парадоксальность ситуации состоит в том, что свою бесконечно русскую и бесконечно далёкую, ушедшую за горизонт Россию с её городами, храмами, просёлками, большаками, реками, холмами и мгновенно узнаваемыми русскими людьми Анатолий Аврутин пишет с природы. И “натура” эта – его родная, ставшая зарубежьем Беларусь. Да и странно было бы думать, что за лирическими впечатлениями поэт ездит из Минска в Россию. Для меня, жительницы граничащей с Беларусью Смоленщины, это совершенно очевидно – доберись до пригорода или до ближайшей деревни – и смотри на аврутинских спившихся умельцев-мужичков, изработавшихся и почерневших красавиц-баб – русских ли, белорусских – а кто когда спрашивал? И пейзажи в стихах Анатолия Аврутина – равным образом узнаваемо минские и узнаваемо смоленские. Да так ли уж отличается от русского белорусский пейзаж? Те же нищие хаты и поля, те же холмы и берёзовые рощи, те же соновые боры и низко идущие серые облака, давно знакомые по русской классике: “И низких нищих деревень // Не счастье, не смертью оком, // И светит в потемневший день // Костёр в лугу далёком...” (А. Блок). Этот исконно русский пейзаж, давно введённый в область земного духа родины почти всеми поэтами, Аврутин пишет с Беларуси, не то расширяя границы русского духа, не то вводя “заграничную” Беларусь в область “родного русского”:

*Здесь сипло и нудно скрежещет забытый ветряк,
И лица в окошечках, будто бы лики с иконы, —
Морщиночки-русла от слёз не просохнут никак,
И взгляд исподлобья, испуганный, но просветлённый.*

И всё-таки – как верно и точно назвать ту ушедшую в далёкие дали Россию, то затерянное Беловодье, тот затонувший Китеж, о котором поёт поэт? “Белорусская Россия”? “Русская Беларусь”? Что ему ближе и важнее? Что он потерял в результате чудовищной геополитической катастрофы? О чём его мощный – то журавлиный, то аистиный – крик над пространством распавшегося Отечества? Его утерянная родина находится рядом, но она бесконечно далека. Безусловно, Анатолий Аврутин, как и всякий поэт, пишущий о родине, всегда подсознательно ищет её идеальный образ, её Вечную Душу, отразившееся в земном Отечестве Отечество Небесное. “Страдания, посланные нам историей, отрезвят, очистят и освободят нас... Но к самому естеству русской народной души принадлежит это взыскание Града. Она вечно прислушивается к поддонным колоколам Китежа; она всегда готова начать паломничество к далёкой и близкой святыне” (**Иван Ильин. “Поющее сердце”**). По сути, Аврутин, пишущий свою “белорусскую Россию” и “русскую Беларусь”, пишет древнюю и вечную Святую Русь с едиными в самом замысле Творца Россией, Беларусью и Украиной и неотвратимо и точно показывает русским и белорусам их глубинное, корневое и неискоренимое родство, ведь ни простой народ, ни родное пространство “никуда не уезжали” – они так и живут в вечных даях единого славянского этноса. Перед этим родством бессильны указы, границы, политика, революции, и войны. Таково Слово

Творца о Святой Руси, и Аврутина, порою даже не сознавая этого, покоряется Божьей воле, идёт за природой явлений и своим поэтическим словом отражает их суть.

Но поэзия А. Аврутина неумолимо говорит и о разделении, стремительном отчуждении Беларуси от России — именно отчуждение рождает острую ностальгию, поражающую сердце. В этой развернувшейся духовной дали великой потери собственной сути, национальной идентичности, корней и памяти рушатся державы и перемальваются человеческие судьбы. В этой дали и в глубине России — “вдали от России”, и в глубине Беларуси — “вдали от Беларуси”. Именно над этой далью трагедии летит и кричит поэтический аист Анатолия Аврутина, взрезая “беспросветность своим осторожным крылом”:

*И вроде светлело... Всё больше являлось народу —
Следили за птицей, чубы к поднебесью задрав.
И вброд перешли они стыльную чёрную воду,
Что в скользких обломках несла очертанья держав.*

Аврутин не пишет о политике, не покушается на суверенитет Беларуси и России, но его мощный аистиный крик о единстве и разделении, о любви и отчуждении звучит над неделимым в своей глубинной сути пространством и о невозможной чудовищности происшедшего говорит куда убедительнее и достовернее политических лозунгов и умственных выкладок.

... И всё же рановато во Франкфурте записали Анатолия Аврутина в поэты русского зарубежья. Перед нами — живое, полнокровное и яркое явление русской литературы. Стихи А. Аврутина, сорвавшись со страниц “Нашего современника”, “Москвы”, “Молодой гвардии”, не только легко встали в ряд лучшего, что было создано современными русскими поэтами, но и оказались самым значительным из того, что было написано в русской поэзии за последнее десятилетие. Трагедия распада СССР прошла по судьбе А. Аврутина гораздо сильнее, чем по судьбам поэтов, живущих в России, и гораздо пронзительнее, значительнее, больше отразилась в его творчестве. Анатолий Аврутин не только поэт, переживший трагедию, но и поэт, рождённый трагедией, — трагические десятилетия распада страны вознесли его музу на новую высоту, выковали как мастера, дали стихам крепость и пронзительную глубину. Поэтом, имеющим общерусское значение, Анатолий Аврутин стал, оказавшись вдали от географической России, за её пределами, ведь именно тогда открылась ему во всей глубине даль русского духа — беспредельность и глубина земной и небесной Родины.

В творчестве Анатолия Аврутина отразилась не только его личная трагедия и трагедия нашей разрушенной страны, но и великая трагедия заброшенной, никому не нужной, вопреки всему выживающей в России, гонимой по миру, разорванной на части русской литературы. Литературы, одинаково “ищущей Россию” и в России, и в Беларуси, и на Украине, и на Памире. Не только по Анатолию Аврутину — по многим и многим русским писателям, никуда не уезжавшим, но волей судьбы оказавшимся за пределами России, трагедия распада СССР прошла куда больше, чем по живущим в России. Поэзия и судьба большого русского поэта Анатолия Аврутина пронзительно и ясно говорят нам ещё и о том, что мы, русские писатели, не имеем права, идя на поводу у политиков, разрывать единое литературное пространство и отдавать наших собратьев по перу в “русское зарубежье”, в “русскую эмиграцию”. Они — полноправная и значительная часть России, часть русской судьбы и русской литературы, “очаги родины”, горящие в нынешнем зарубежье. И пока горят в разных уголках распавшейся державы эти “творящие родину” огни, пока льётся творящая русское и поверх границ восстанавливающая единство духа песня, о крушении державы и окончательном распаде страны говорить рано. Ибо, как написал об этом Анатолий Аврутин: “Вдали от России // круты и пологие спуски, // Глухи алтари, // сколь ни падай в смятении ниц. // Но крикни: “Россия”... // И эхо ответит по-русски, // Ведь русское эхо нерусских не знает границ...”